

ГАД МОРСКОЙ

Рассказ

Солнце стянуло пруд пленкой. На воде держались с десяток голов, лежали они на зеркале поверхности, как голова Иоанна Крестителя на блюде. В золоченом воздухе звенели доспехами стрекозы, шевелились из последних сил ивы. Теплый ветер метался из стороны в сторону, как бешеная собака. Стрелять в нее было некому.

В этом самом пруду некогда утопили студента Иванова. Согласно катехизису революционера его сначала душили шарфом, потом треснули дубиной по голове, исполнили контрольной выстрел. Завернули в пальто с чужого плеча, насовали в карманы кирпичей и затолкали в пруд. Тело распласталось подо льдом, где и было обнаружено крестьянином села Петровские Выселки Петром Калугиным (дело, стоит напомнить, происходило в Петровской, как тогда называлось заведение, академии).

Из пруда, раздвинув заросли, выбрался мужчина. Он наспех вытерся скатертью из продуктовой корзинки, украл брюки, рубашку и зашагал по Лиственничной аллее. Человека – не человека вовсе – звали Виталий Терентьевич. Жабры под ребрами стянулись и зарубцевались. Он потрогал их рукой, как гитарист струны.

Виталий Терентьевич ориентировался в корпусах и шагал уверенно. Тяжелый транспорт по Листве – так называли аллею студенты – не ходил: асфальт был в минимальных трещинах. Виталий Терентьевич потирал руки и радовался, какое у него молодое тело, какая гладкая кожа.

Виталий Терентьевич взлетел по ступенькам одиннадцатого корпуса и дернул дверь на себя. Тяжелая деревянная, окрашенная в плотную коричневую краску дверь поддалась. Он очутился в длинном коридоре с потертой бело-коричневой плиткой. Деревянные перила изгибалась у основания музыкальным ключом и резко взмывали вверх – там располагалась кафедра микробиологии. Наука изучала организмы до того мелкие, что невооруженным глазом и не увидишь. Виталий Терентьевич шел на запах паленого – в подвалы, где проводили опыты над мышами, кроликами и выращивали в огромных черных чанах – жаб и лягушек.

Он вошел в аудиторию и первое, что увидел, была белая широкая спина Степана Митрича Бессарабского.

– Это тебе не борона, а это не поле, а ты не Микула Селяниневич! Посев надо делать аккуратное! А, старый хрыч! – девушка, которую распекал Степан Митрич, вздрогнула и заплакала. Когда старик обнял Виталия Терентьевича, девушка поняла ошибку и утерлась.

– Ну-ка, Ниночка, подь сюды, – Степан Митрич подманил девушку, чья припухлая физиономия выделялась на фоне строгих базаровских лиц остальных студентов. – Будешь ходить за Виталием Терентьевичем, как нянька, поняла?

– А учеба?

– У тебя, Ниночка, не так много вариантов в жизни. Если не будешь слушать старика, тебе одна дорога – в пруд Симонова монастыря. Чувствительная ты натура.

Евгения Скобина родилась в 1988 году в Москве. Училась в РГАУ-МСХА имени Тимирязева, на Высших литературных курсах Литературного института им. Горького, в магистратуре ВШЭ по программе «Литературное мастерство». В «Волге» публиковались повести «Курков дом» (2022, № 9-10) и «Коптилка» (2023, № 7-8).

Степан Митрич потрепал Ниночку по локтю. Ниночкины глаза вспыхнули и погасли в безразличных, водянистых глазах Виталия Терентьевича.

– Передаю в надежные руки, – сказал завкаф и подмигнул одним глазом Ниночке, другим – Виталию Терентьевичу.

Виталий Терентьевич отмокал в алюминиевой бочке. Сыворотка пахла кислым, и Степан Митрич, что сидел в соседней емкости, уже пошутил о Гисли, которому в исландской саге довелось спасать дом сывороткой. Виталий Терентьевич непонимающе хмыкнул и ущипнул свисающую руку приятеля.

– Не пора ли тебе домой, старый кровопийца? Смотри, весь усох!

– Я домой не вернусь, – ответил Степан Митрич. – Покуда не создам такую среду, что мы и здесь сможем жить вечно!

– Вернись хоть на месяц, сбрось пару годков, а то ведь помрешь, жалко!

– Только я в пруд окунусь – все насмарку: все мои исследования и открытия. Мозг тинной затынет!

– Ты рискуешь потерять гораздо больше, – усмехнулся Виталий Терентьевич. – Ну а мне можешь? Мне нужно восстановить пробелы...

– А я что говорил, – усмехнулся Степан Митрич. – Тина!

– Как твои успехи в создании этой среды? – спросил Виталий Терентьевич и отвесил щелбан сыворочной поверхности: в разные стороны полетели капли. Степан Митрич что-то промычал и пошевелил кустистыми бровями.

– Нечисть мы, – сказал Виталий Терентьевич. – Уродились такими. Не жить нам на земле, как людям. Чего тебе земля? Студенка полюбила? Деток захотелось?

– Человеком быть хочу, – сказал Степан Митрич. – Вылезти из слизи, из мрака, из зловония. Чтобы не было икринок этих липких и грязи не было. Хочу солнца, чистоты, высоты в мыслях и веры в справедливость. Женщину одну любить, ребенка зачать, смотреть, как плод развивается в утробе, и воспитать его хочу – чтобы не со скальпелем в руках, а чтобы картины и стихи писал. Хочу любить мир и знать, что умру, что меня потом в керамическую урну с греческим узором. Воспроизводство ради воспроизводства не приемлю более. Вечность непреходящая – не для меня. Смысла требую.

Руки старика задрожали, веко дернулось, а из глаз стекла жидкость, очень похожая на слезу. Но она замерла пластиковой мошкой, и Степан Митрич ее стянул.

– Ты превратишься в экспонат, чучело набитое! Стекла тебе вместо глаз вставят, студенты нерадивые таскать будут и обязательно уронят. Или в формалин посадят, стеклом придавят и препараты наделают. Поезжай-ка ты домой, друг Степа.

– Нет, Терентьевич, нет! Вот-вот, уже скоро, питательная среда созреет! – старик сложил руки крест-накрест. Помолчали. – А ты с чем пожаловал?

– Рыба жидкая нынче пошла, вода тухлая, а водоросли так и вообще стыд. Температура планеты такова, что скоро плавиться будем! Адаптация – единственный способ выжить. Нужно с вариативностью гена поиграть. Рецессивными станем – конец нам. Мы по доминативному признаку жить должны! А ты – человек! Человек – смертен, слаб, скучен! То ли мы – у нас такое будущее – мы первейший вид. Мы – плод. Они – последыш.

– Мы – инфузория-туфелька, – вздохнул старик. – Гидропорт. Планктон. Хуже. Мельче. Нас через пластины втягивают и выплевывают – вот такая мы мелочь.

– В меланхолию впадаешь, сам себе опротивел. Опасная это болезнь. В пруд тебе нужно.

Виталий Терентьевич нырнул в бочку с головой. Пошли вздуваться купола пузырей. Через десять минут он всплыл и отряхнул голову – полетели брызги дугами.

– Ниночка, – позвал Степан Митрич. – Полотенца!

Ниночка постучалась, внесла вафельные полотенца и смущенно посмотрела на Виталия Терентьевича. На бледную, дряхлую старческую плоть Бессарабского она смотреть не стала.

Виталий Терентьевич стоял по колено в иле и чипировал рыб в садке.

– Сеголетки, – сказал он, взвесил рыбину на руке и бросил в воду.

Степан Митрич распинался перед аудиторией в учебном ангаре. Он в раздражении ходил взад-вперед, дергал плотный воротник и все больше желтел. Студенты закрывали носы и отворачивались: из бассейна нестерпимо тянуло тухлыми яйцами.

– Ежели, – говорил Степан Митрич, – мы отбираем рыбу по признаку морозостойкости, нужно учитывать, как коррелируется этот признак с цветом. Если вашу морозостойкую форель будет жрать хищник, проку никакого в такой селекции, это понятно?

Степан Митрич раскашлялся. Еще одна тилипия из рук Виталия Терентьевича прыгнула в воду.

– Чего носы попрытали? Это ваша профессия, – кричал он. – Нюхать! Этот запах! Эту ряску! Эту тину! Тину! Тину! Тину!

Степан Митрич схватил за грудки худенького студента и подтолкнул к краю водоема. Он нагнулся, а вместе с собой увлек и безусого. Степан Митрич чиркнул стену бассейна пальцем и испачкал студенту под носом. У мальчишки подогнулись ноги, и он опрокинулся, как жук. Степан Митрич, придерживая студента, положил малохольного на покрытие, а сам за сердце схватился. С выпуклого лба бежали крупные капли. Виталий Терентьевич бросил сачок, выбрался из бассейна и, оскальзываясь, подбежал к другу.

– Скорую? – спросила Ниночка, все еще закрывая нос.

– Очистить помещение, – распорядился Виталий Терентьевич. Студенты выбежали из ангара. Очухался даже пострадавший юнец, и он-то бежал первым.

Неподвижной грудой лежал Степан Митрич. Кожа его стала липкой и мягкой, как только что сунутая в рот жвачка. Виталий подошел к стене и приподнял крышку аквариума, где плавали гуппи – пресноводные живородящие рыбки семейства пецилиевых.

Он поднял обмякшее тело Степана Митрича, взвалил на плечи, втащил по строительной лесенке – и бросил в утробу аквариума. Взметнулись яркие рыбешки и пошли выписывать геометрические фигуры.

Виталий Терентьевич ждал. Ждал четверть часа, полчаса, час, три часа ждал. Он сидел на лавочке и не двигался. Если не приглядываться, казалось, что он застывшая древесная лягушка.

К вечеру гуппи перестали мелькать и затихарились. Если присмотреться внимательней, можно было заметить, как их – одну за другой со страшной скоростью – утягивает на дно. Еще через четверть часа охнул аквариум – пошел пузырями, как после сильного дождя, – и тело трупно всплыло спиной.

– Думал ты, Степан Митрич – все, – Виталий Терентьевич разогнул затекшее тело.

Степан Митрич перевалил через край аквариума – сначала нога, потом рука, туловище, а потом и весь ушел вниз. Он встал на четвереньки и посмотрел большими, мутными глазами на Виталия Терентьевича. Он преобразился – ушные раковины втянулись в череп, который, напротив, вытянулся. На рыбном скелете болталась скудная плоть, а сомовые усы приклеились к полу.

Виталий Терентьевич хлопнул дверцей холодильника и вынул молоко: пять пятилитровых банок. Последовательно и не спеша Степан Митрич все их выпил. Степан Митрич обтерся рабочим фартуком и оперся на старческие колени. Он был совсем плох.

На автобусной платформе стояли чемоданы. Один чемодан был серый с протертым уголком – совсем квельй и поникший, другой – отчаянно рыжий с желтыми проплешинами.

– В Пятигорске сейчас блеск! Там минеральные воды и грязи, и доктор Вернер, если пове- зет, примет тебя, – Виталий Терентьевич похлопал друга по спине. Пиджак был мокрый и вонял воблой. Степан Митрич покивал.

Народ запрыгал по ступенькам автобуса и набил емкость до отказа. Стекла запотели вмиг. Митрич оказался стиснут двумя барышнями – одна сидела у окна и грызла семечки из газетного кулька, другая – возвышалась над бывшим профессором, как дуб над Андреем Болконским. Было очевидно, что они обе еще доставят хлопот старику. Степан Митрич смотрел в окно взглядом обреченного на гибель карпа из магазинного аквариума.

Ниночка всхлипнула. Виталий Терентьевич заметил, как она послонявила палец, чтобы намочить подглазничные впадины, и провела пальцем по бровкам.

– Утомленное солнце нежно с морем прощалась, в этот час ты призналась, что нет любви, – запел Виталий Терентьевич и спросил: – Покатаемся на лодках?

На лодочной станции Виталий Терентьевич отдал в залог паспорт Ниночки. Лодка раскачива- лась на воде. Ниночка грызла мороженое – еще холодное. Юбка до колен, открытый топ и голу- бые глаза. Виталий Терентьевич спросил:

– Стихи знаешь?

Ниночка кинула и открыла ротик: «Я показал на блюде студня / косые скулы океана. / На чешуе жестяной рыбы / прочел я зовы новых губ».

Ниночка рассмеялась и выкинула мороженое за борт:

– На корм рыбам!

Зевота сковала Виталию челюсть. Потекли глаза, и от скуки уши заложило. Ниночка при- молкла и уставилась в рыбью морду.

– Давай купаться, – сказал Виталий Терентьевич и ушел солдатиком в воду. Только Ниночка его и видела. Выпрыгнул Виталий Терентьевич из воды по пояс, как будто его подбросило. Глаза ясные, кожа сверкает, улыбается и мелкие зубы показывает.

– Ниночка, давайте, ко мне! – он протянул руки к девушке.

Ниночка топик стянула, юбку следом и в воду – фонтан брызг! Она рассмеялась, принялась молотить по воде ладошками. Виталий на голову ей крупной рукой надавил, и Ниночка под воду ушла. Нырнул, ухватил за ноги, за руки, давай вниз тащить. Перед ним маска с трубкой мате- риализовалась, погрозила пальцем – аквалангист. Всплыли вдвоем. Ниночка задыхается, никак отдышаться не может.

– Сссскотина! – сказала она. – Я на тебя заяву напишу!

– Ниночка, я пошутил!

Рядом, как клетки при митозе, пошла вода отсеками. Аквалангист вынырнул, очки снял и смотрит.

– Вы, девушка, в порядке?

– Не знаю, – ответила Ниночка. – Можно я лучше с вами?

– Разумеется, – ответил аквалангист. Ниночка цапнула вещи из лодки и в воду.

– Возьму замуж, – сказал Виталий Терентьевич, запрыгнул в лодку и перестал сушить весла.

Уключины заскрипели.

Ниночка моргнула. Младенец в ее руках превратился в головастика. Она еще раз моргнула, слотнула, помотала головой – снова младенцем стал. Быть того не может. Она ринулась в смежную комнату, которую переделала из кабинета в детскую.

«Статусно иметь кабинет, Виталий, но ребенку простор нужен!»

Виталий Терентьевич с большим трудом упрямил Ниночку оставить стол в детской. Ниночка на редкость оказалась несговорчивой. Единственный раз она сказала «да», когда замуж звал, обещал по учебе помогать и в люди выбиться. Он тогда вился вокруг нее – как овод, – склонял ее по-всякому и угрожал неаттестацией. И даже точно не знал, на что польстилась: попросила только, чтобы лягушек ее резать не заставлял, ястреба мышами не кормить и новокаином барабанную перепонку кролику не прободать. На все согласился.

Виталий Терентьевич погладил шишковатый лоб и обнаружил залысины. Всего-то прошло ничего, сколько он профессор, заведующий, муж и отец, а он уже всерьез рассматривал рекламный проспект, который ему у метро выдали: «Лысина не приговор!».

Ниночка укачивала младенца, и тот наконец закрыл рот.

– Была в поликлинике. Говорят, что жабры у нас, рудимент-атавизм какой-то. У твоих родственников не было случайно?

– Что ты, – елеинный голосом ответил он. – А у твоих?

Завонил телефон. Ниночка воздела глаза к потолку с протечкой (клякса была в форме амебы) и десять минут ругалась с матерью. Мать настаивала, чтобы дочь отказалась от наследства после смерти отца. Младенец плакал. Ниночка отказывалась отказываться.

– Мне нужна тишина! – крикнул Виталий Терентьевич, робко выглядывая из-за книг. С первого взгляда на расчеты Степана Митрич он понял, что коллега писал стихи, а не формулы. Идею направление мысли он все же счел верным. Эликсир, мазь или даже таблетированная форма для омоложения принесет много денег, того, что Ниночка хотела страстно. Да и он, Виталий Терентьевич, не отказался бы получить шевелюру обратно. Все живое, оно из воды вышло, так началась эволюция – как они пишут. Но как дорого они расплачиваются за любопытство. Да и я, гм, тоже. Он вытянул шею и посмотрел, как мотается тень Ниночки по стенам.

– Ниночка, соблюдайте тишину! – заискивающе попросил он. Отсутствие звука – это было то единственное, о чем он мечтал.

– Как же я его замолчу! – грозно ответила она.

Виталий наспех покинул бумаги в портфель и вделся в обувь. Ниночка встала в дверях, держа ребенка наперевес: «Когда придешь?» – «В шесть, рыбка моя!» Хотел поцеловать ее в щеку, но она отвернулась. Он давно заметил, что она им брезгует, и только когда на карточку падала зарплата, она была мила с ним. Разгадки этого он – ученый, профессор – найти не мог.

На кафедре Виталий столкнулся с благодарным из бывших республик. Мол, так и так, ваши советы очень помогли восстановить рыбное хозяйство, примите подарки. Чуть не кланялся. Протянул осетра – большого, таким бы и Собакевич не побрезговал.

– Не глушите больше рыбу, шуму много, а толка чуть! – как можно добродушной сказал Виталий Терентьевич. Спустился в подпол, взял шампур, нанизал на него три жабы. Дрожа от страсти, сожрал извивающихся земноводных и отрыгнул. Прошелся по аудиториям: на партах остались лежать распятые лягушки, которых студенты гальванизировали соляной кислотой. Заурчал, набросился на деликатес, как пес голодный, и даже оцарапался о крепления.

Виталий просидел над бумагами до ночи. Голова пылала, перед глазами мутилось, мысли – про Ниночку, головастика, пеленки, распашонки, коляски-трансформеры, поликлинику, температуру и колики, очереди в детские сады и школу, ипотеку и место на кладбище – две штуки – не давали считать формулы без погрешностей и даже без ошибок. Виталий Терентьевич отложил справочники и бумаги, выпил формальдегиду – но мысли не уходили. Качели для укачивания с

вибрацией, музыкальная каруселька с лошадками для убаюкивания, развивающий коврик. Сунул под мышку осетра, выбежал на Листву и начал хватать ртом морозный воздух.

Виталий Терентьевич сидел в кресле и глядел в прорубь. Лед под изогнутыми ножками треснул и зазмеился. Он подобрал ноги, нагнулся, подпер щеку рукой и стал втолковывать:

– Я к ней всякий раз со всем сердцем: «Ниночка-лапочка, Ниночка-душечка, Ниночка-кошечка». А она: «От тебя рыбой воняет, мужлан», – и хрясь по рукам. Вернулся домой – с конфетами, букетом, а она: «У тебя руки зеленые и все в тине, а меж зубов ряска встряла».

Налетел ветер, взъерошил седые волосы и распахнул полы черного пальто. Печально стало лицо Виталия Терентьевича. Он брэнчал на лямке комбинезона, тихонько, в лад, приглотывал.

– Мне осетра поднесли, и я ужин сготовил.

Виталий вытянул шею и со шкрябающим звуком почесал.

– Цветочки высыхали, я их в вазу приспособил. Весь перед ней расстелился: одеколону на себя полбутылки вылил, трусы три раза сменил и даже какой-то носок на шею повязал. Ниночка села, губки поджала и меня, и осетра моего холодом поливает. Смерила взглядом, будто я кот приبلудный, а не муж ей законный, и говорит: «Я от твоей рыбы скоро фосфоресцировать начну».

– Мне даже не себя жалко, – сказал Виталий и, наклонившись, помотал пальцем в проруби, как в супе. – Мне за осетра, понимаете, обидно, не заслужил он такого обращения.

Виталий облизал палец, откинулся на спинку кресла, уставился в серое весеннее небо, в котором мелькали черные, как козий помет, птицы.

– Не утерпел я, ответил, слово за слово, разругались. Долго в молчании сидели: я, жена, головастик в люльке, ну, и осетр. Жена подулась-подулась, а потом стала ковырять осетра, словно сапер мину. Потерзала манехонько и спросила: «Что за рыба такая?»

Я промолчал. Она вспыхнула и давай горошек на вилку накалывать. Я так решил: сначала осетра поем, извиняться потом буду. Начал с хвоста: рыба нежная, рассыпчатая, быстро втянулся. Со свистом кости обсасывал, рвал розовую плоть на клочки. С таким аппетитом ел, что жена соблазнилась. Сначала небрежно, даже брезгливо, потом, чуть ли не чавкая, в горло куски заталкивать принялась. Я даже заволновался, того и гляди всего осетра моего сожрет. Хотел было сказать все, что о ней думаю, но тут смотрю, багроветь начала. А как пунцовой стала, догадался: подавилась, голубушка. Кашляет, надрывается, бедняжка, а осетр – диво какое – бескостный же почти – засел, крепко держит. Пока скорую ждали, успел ей целую лекцию о рыбах прочитать. Хрипит, обливается слезами, а я ей обстоятельно – про рыбку, чтобы знала впредь.

– Скорая, конечно, не успела, – сказал Виталий Терентьевич, хлюпнув соплями. – Вот, возвращаю в родной садок.

Он вытянул из оттопыренного кармана пузырь полиэтилена, в котором моталась, как сбитая дорожная шашечка, оранжевая рыбка, а рядом с ней прыгал черный сперматозоид. Виталий Терентьевич выплеснул их в прорубь.

Лед треснул, кресло, подняв брызги, провалилось, пальто и сапоги взметнулись вверх. Виталий сверкнул в воздухе голыми пятками, щелкнул мелкими зубами и ушел на дно.